

Враждующей судьбы, или возстать
 На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
 Окончить жизнь,—уснуть,
 Не болѣе!—И знать, что этотъ сонъ
 Окончитъ грусть и тысячи ударовъ,
 Удѣлъ живыхъ... Такой конецъ достоинъ
 Желаній жаркихъ!..

и съ унылой рѣшимостью добавилъ:

Умереть—уснуть!

Но послѣ многозначительной паузы онъ поднялъ голову и, подражая Сальвини, котораго видѣлъ въ Миланѣ, прошепталъ въ тяжкомъ недоумѣніи:

Уснуть?—Но если...

И вдругъ взглядъ его упалъ на письмо графини. — «Однако, чортъ возьми, нужно что-нибудь предпринимать!» — произнесъ онъ съ озабоченнымъ видомъ и потеръ лобъ. Но въ голову ничего не лѣзло. Онъ только вспомнилъ видимое равнодушіе Вари къ Лукавину и что-то въ родѣ удовольствія шевельнулось въ немъ. Но тотчасъ же онъ и упрекнулъ себя. — «Боже, какой я эгоистъ!» — подумалъ онъ, припоминая свое сближеніе съ кузиной, свои безпрестанные tête-à-tête съ нею; но тутъ же и прибавилъ въ видѣ извиненія: «Но она такая пикантная!» — И онъ вообразилъ ее въ сверкающей діадемѣ, въ брилліантахъ и кружевахъ, среди безчисленныхъ огней и блистательныхъ паръ, граціозно скользящихъ подъ звуки упорительно-ноющего смычка... Вообразилъ ее на Невскомъ въ четыре часа, въ облакахъ сіяющаго свѣта, взбитаго копытами драгоцѣнныхъ рысаковъ, въ соболяхъ и тысячной ротондѣ... «Да, это ея сфера!» — сказалъ онъ. Но упрямо отказывался представлять «Пьера» въ качествѣ мужа Вари. «Это не мужъ, а просто аппетитная ассигновка!» — вырвалось у него въ порывѣ презрительной досады.

И онъ опять взялся за письмо. Внизу неинтересныхъ новостей стоялъ postscriptum: «Дядю, я думаю, можно посвятить въ нашъ проектъ: онъ настолько благоразумный человѣкъ, что пойметъ всѣ выгоды этого брака. Но не забывай, что Ріегге ничего не знаетъ. Лукіанъ Трифоновичъ говорить, что онъ Ріегг'у писалъ «обинякомъ» — я, впрочемъ, не понимаю этого слова».

Облѣпищева точно откровеніе осѣнило. Онъ съ веселымъ видомъ одѣлся и позвонилъ.